

УДК 93.085

О.В. Одегова

МНОГОЛИКОСТЬ ПЕРСОНАЛЬНОЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается обострение проблем персональной и этнокультурной идентичности на фоне интеграционных и коммуникативных процессов глобализации, анализируется современное состояние этнокультурной идентичности, выявляются ее доминирующие векторы и типы глобальных идентичностей в этосе постмодерна; акцентируется возникновение множественной идентичности versus кризис этнокультурной идентичности. Автор представляет конституирование новых идентичностей на фоне диалога и преемственности культур, выступающих в качестве возможного разрешения конфликта этнокультурной идентичности и глобализации.

Ключевые слова: персональная и этнокультурная идентичность, глобализация, многоуровневая плюралистическая идентичность.

Сегодня человек все больше ощущает потребность идентификации своего я, распознавания своей миссии, нахождения способов этнической адаптации в глобализирующемся сообществе. Стремление понять и найти себя является, по образному выражению немецко-американского философа и историка Ханна Арендт, «тоталитарным соблазном» [1]. Человек в условиях культурной глобализации осознает и переживает принадлежность одновременно к множеству различных культурных общностей: этносу, нации, региону, цивилизации и т. д. При этом этническое и национальное основание в структуре культурной идентичности личности не нивелируется, но теряет доминирующее положение и принимает «факультативный» характер.

Проблема идентичности является основным аспектом при анализе глобализации и вызывает теоретический и практический интерес. Актуализация обсуждения связана с тем, что в условиях текущего этапа глобализации происходит трансформация идентичности, приводящая ее к плюрализации. Рассматривая неоднозначную проблему персональной идентичности, одни теоретики и идеологи трактуют персональную идентичность как данность, другие считают производной от времени и места.

Э. Эриксон, автор термина «идентичность», относит этот термин к сугубо личности и, говоря об идентичности групповой, соотносит идентификацию личности только с определенной группой. Он, на наш взгляд, оптимально определяет идентичность как субъективное ощущение самотождественности, являющееся основным источником энергии и преемственности [2. С. 35].

Анализируя проблему идентичности, он отмечает, что в условиях иммиграции проявляется изначально разная способность людей к мобильности, равно как и разная склонность к идентичности; например, для турецких крестьян эмиграция страшнее смерти, а для американца, осваивающего континент, – шанс реализовать свою мобильность. Глобализация создает сходную

«турецкую» проблему даже для не покидавших свой дом людей, но не способных жить и действовать в глобальном мире [3. С. 15–17].

На уровне этнокультурной национальной идентичности вопрос, вслед за С. Хантингтоном [4], «Кто мы?» стимулирует к изучению идентичности как потенциального ключа к созданию гармоничного общества.

Согласно З. Бауману «впечатляющее возрастание интереса к обсуждению идентичности может сказать больше о нынешнем состоянии человеческого общества, чем известные концептуальные и аналитические результаты его осмысления» [5. С. 176].

Невероятно стремительные изменения в мире на рубеже XX–XXI вв., происходящие на фоне нарастающих процессов глобализации, резко обострили проблему персональной и в гораздо большей степени национальной идентичности. Глобализация являет собой весьма комплексный, противоречивый феномен. С одной стороны, это беспрецедентное развитие науки и информационных технологий, выходящих за границы времени и пространства, формирование транснациональных отношений и корпораций, многосферный взаимообмен между людьми. С другой – явная дезинтеграция и дифференциация, интенсификация мирового разделения труда, тенденция к многообразию. Этот парадокс сочетания, казалось бы, противоположных тенденций порождает интерес и ряд вопросов относительно актуализации проблематики идентичности.

В условиях глобализации культурного пространства динамика этнокультурной идентичности приобретает три доминирующих вектора: интегрирующий, дифференцирующий и нивелирующий.

Интегрирующий вектор проявляется в тенденции к формированию наднациональной, или *цивилизационной*, идентичности, если под «цивилизацией», вслед за Хантингтоном, понимать транснациональный уровень культурной общности людей – один из высших уровней их культурной идентификации. Формирование данного типа идентичности имеет множество сценариев; особенно данное явление исследовано на уровне глобального вхождения общества в сообщество, например Европейское сообщество, сопровождающегося созданием единого правового поля, экономического пространства и т. д. В процессе интеграции стран, имеющих европейское сходство, возникает многоуровневая плюралистическая идентичность.

Дифференцирующий вектор, проявляющийся в локализации оснований культурной идентичности помимо всплеска этнического самосознания народов во всем мире, характеризуется возрастанием значимости региональной идентичности, что свидетельствует об усложнении последней. Актуализация региональной идентичности характеризует, например, динамику российской идентичности и возникает в результате реакции на кризис национального менталитета и ослабление национальных корней в структуре идентичности. Примером определения региональной границы схожей культуры с точки зрения культурологического подхода может служить район Баренцева моря, где общие условия и исторически сформировавшееся культурное пространство являются ключевым фактором формирования общей идентичности.

Нивелирующий вектор или тенденция к этнокультурной маргинализации проявляется, в частности, в России в феномене общегражданской идентично-

сти, формирование которой с трудом проходит в современном обществе, когда в основе социальной идентичности оказываются институты гражданского общества. Этнокультурная маргинализация характеризуется тем, что происходит ослабление связи человека с культурой, и он готов вписаться в любой контекст, вне зависимости от жизненного стиля [6. С. 47–75].

Анализируя современное состояние этнокультурной идентичности, можно обобщить следующие положения: в условиях интенсивных интеграционных процессов происходит ослабление национального государства, но этнокультурная идентичность не изживает себя, а приобретает новые формы со ссылкой на С. Хантингтона, полагающего, что идентичность нации не является величиной постоянной [4]. Она лишь сохраняет в своей структуре культурные основания всех предшествующих исторических модификаций, в том числе национальной и этнической. Благо, которое несет в себе глобализация для национальной идентичности, заключается в том, что на фоне изменения роли национального государства, появления транснациональных пространств, не лишаящих людей, однако, национальной принадлежности и приверженности локальной культуре при приобретении новых уровней идентичности, возникает всплеск интереса к локальным явлениям национальной культуры.

Что же происходит у обществ и людей, не входящих в глобальный мир? Наблюдается ослабление их локальной идентичности, потеря самоуважения, самодостаточности, внутренней значимости. На глобальном же уровне появляются такие культурные универсалии, как туризм, образование, мода в разнообразных этнонациональных вариациях. При сохранении культурных и территориальных границ появляются новые возможности корпоративного и межкультурного сотрудничества. Хотя глобализация культур осуществляется в меньшей степени, чем глобализация экономических отношений, культурная специфика диалога сохраняется как на локальном, так и на глобальном уровне [7. С. 357]. Рассматривая проблемы идентичности и глобализации, З. Бауман отмечает, что наши зависимости сегодня *глобальны*, а действия все же *локальны* [5. С. 320].

Вызовы идентичности сегодня весьма серьезны и многообразны: глобализация, техногенные катастрофы, осознание истощаемости природных ресурсов, информационный бум, волна кризисов, в том числе кризиса духовности, и т. д.

Многие страны Европы, Южной Америки, США и страны восточноазиатского региона находятся на изломе в поисках выхода из сложившейся ситуации и определения своего геополитического и экономического места на мировой арене с целью сохранения территорий и лица государства. Процессы, начавшиеся в ЕС, влияют не только на европейские страны, но и, опосредованно, на Россию. Они имеют двоякое воздействие: деструктивное, со стороны иммиграции и мультикультурных процессов, и конструктивное, способствующее созданию единой идентичности. Данные процессы, безусловно, обостряют внимание к проблеме идентичности в принципе, а в частности в России и дают бесценный опыт для выбора нужного направления.

Так, для нашей страны самоидентификация в международном социуме является приоритетным вопросом. В научной среде и информационных сред-

ствах активно обсуждается дилемма «вестернизация – изоляционизм», а также идентификация на «центр – регионы».

Следует согласиться с мнением, что в России идентичность может быть только многоуровневой, так как у нас сегодня нет общего вектора выбора парадигмы развития страны и общей идентичности, «она фрагментирована, поляризована и неустойчива, поскольку процесс ее формирования еще не завершился». Хотя в перспективе задачей выстраивания новой идентичности по некоторым прогнозам должно стать выявление мессианской роли России в мире [8. С. 84].

По предсказаниям Ленина и российского политолога С.В. Кортунова, только три страны: Россия, Индия и Китай – имеют потенциал стойкости и смогут выстоять в условиях глобализации, сохранив свои этнокультурные ядра.

В мировом сообществе «идентичности становятся все более множественными, фрагментированными, зависимыми от контекста; они имеют радикально исторический характер и постоянно находятся в состоянии изменения и трансформации» [9. С. 11].

В былые эпохи каждое сообщество имело свой доминирующий тип идентичности, который в процессе социальных интеракций восходил до «универсального статуса», становившегося матрицей доминирующей идентичности. В разных геополитических условиях и в разные исторические эпохи он принимал образ джентльмена, прагматика, бюрократа, романтика, труженика-работника с серпом и молотом, в лихие времена это был тип воина-защитника Отечества и т. д. В эпоху постмодерна довольно сложно однозначно обозначить доминирующий тип идентичности, особенно в западном сообществе.

Текущий век быстротечен, и реальность меняется весьма и весьма быстро, мир являет собой изменения, которые сегодня уже никого не шокируют, в отличие, скажем, от того времени, когда А. Тоффлер предсказывал футушок. Изменение ныне стало формой нашей социализации, где средства массовой коммуникации влияют на наши самоощущения и ценности уже не играют весомой роли в чувстве идентификации, они «вальвируются» и девальвируются, трансформируются, мигрируют вместе с иммигрантами в пространстве значений, проявляясь по-разному в разных контекстах. В результате человек оказывается на пересечении культурных миров, контуры которых все больше размываются с глобализацией культурного пространства, высокой коммуникативностью и плюрализацией культурных кодов и языков. Осознавая свою принадлежность к ним, человек становится носителем множественной идентичности.

Небезынтересную классификацию типов идентичности предлагают польские исследователи З. Мелосик и Т. Шкудлярк, отмечая наличие множества конфликтующих, ретроспективно медленно, а сегодня быстро меняющихся идентичностей, перешедших от константной модели «должен быть таким» к модели «можешь быть всяким».

Согласно их классификации одним из основных типов идентичности современного землянина является «глобально прозрачная идентичность», родившаяся благодаря реализации масштабных международных проектов и

академических исследований стран первого мира, пророчивших движение в направлении достижений «цивилизованного Запада». Появление этого типа идентичности обусловлено потребностью создания «универсального» эксперта, коммуникатора, исследователя-технократа. Это – детище западной культуры, и «общее» для нее эквивалентно «европейскому» или американскому. Эта идентичность способна быстро и безболезненно менять места, уклады, континенты и культуры, чувствуя себя везде как дома, оставаясь при этом индифферентной к культурным различиям и способной сосуществовать с ними. Примером тому могут служить американские ученые и «евротехнократы» – личности, имеющие достаточно интегрированную идентичность и использующие английский язык в качестве средства основной коммуникации. Они активны, прагматичны, ориентированы на успех, всегда носят маску профессионализма, как щит от культурной дезориентации и дезинтеграции [10].

В этосе постмодерна выделяется также «какая угодно глобальная идентичность». В отличие от «евротехнократов», эта личность сосредоточена на различиях и обладает очевидной способностью к культурной эмпатии и идентифицируется с культурой, в которой живет, и может даже стать частью «другого». Эта личность избирает такой способ интеграции, где различия можно вписать амбивалентным образом в идентичность, обогащая ее. Она (личность) легко меняет резиденции, не носит масок и не стремится казаться кем-то, а просто включается в реальность, становясь ее частью.

Еще один вариант постсовременной самотождественности являет собой «фантомная идентичность». Поскольку в сегодняшнем мире превалирует идеология потребления и стабильных значений не наблюдается, о формировании какой-то реальной идентичности речь не идет. Вследствие этого индивиду приходится жить в *призрачном* мире, в котором СМИ уничтожили реальную возможность различий. На этом фоне происходит формирование так называемой «аутентичной неаутентичности», базирующейся на убеждении, что все различия в большей или меньшей степени абсурдны и у человека постмодерна нет ничего аутентичного [Ibidem].

Эта идентичность не притворяется и не носит масок, в широком смысле – это стиль публичной жизни, названный Б. Аггером «постмодерным NYT (New York Times)». В этом подходе «содержание» замещено «стилем» с привкусом нигилистического отношения к жизни [11. С. 171–172]. Очередная идентичность как бы конкурирует со своей предшественницей, что вытекает само собой из многоликого характера современной эпохи. Продолжая этот смысловой ряд, кажется возможным беспрестанно продуцировать все новые идентичности: онлайн-идентичность, виртуальная, мультилингвальная, мультикультурная, синтезированная или фрагментированная идентичность и прочая идентичность *плюс*, иногда одноразовая, сиюминутная, возникающая в нас. В результате мы становимся внутренне противоречивыми, утрачиваем монолитный характер, и мы научились с этим жить – *глокализовались* (составной дериват от слов *глобализация* и *локализация* – термин введен Р. Робертсоном)! Можно даже сказать, соглашаясь с вышеупомянутыми авторами, что культура для нас становится своего рода *perpetuum mobile*.

Таким образом, взяв за основу референтность Э. Эриксоном термина «идентичность» сугубо к личности, а в отношении идентичности групповой соотносении идентификации личности только с определенной группой, под «идентичностью» предлагается понимать некую устойчивость индивидуальных, национальных, цивилизационных, социокультурных параметров, их самоидентичность.

Несмотря на то, что глобализация на данном этапе является сильнейшим испытанием для культурной и национальной идентичности у человека, ощущающего себя представителем множественной идентичности, находится все меньше оснований идентифицировать те или иные культуры как чужие или враждебные. Современный мир характеризуется комплексной, многоуровневой структурой идентичностей, включающей наряду с традиционными все новые уровни идентичности, что свидетельствует о неоднозначности глобализации: с одной стороны, она ставит под сомнение прежнюю роль государства и, соответственно, связанную с ней национальную идентичность, с другой – способствует интеграции различных обществ и интенсифицирует потребность к определению идентичности. Основным средством преодоления испытаний, выпавших на долю идентичности, являются диалог и преемственность культур, хотя они затруднены в сложившихся условиях. Однако вызовы современной эпохи побуждают к конструированию новых идентичностей применительно к условиям стремительно меняющегося мира.

Литература

1. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И.В. Борисовой и др.; под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
2. *Эриксон Э.Г.* Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. А.Д. Андреевой и др.; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. 342 с.
3. *Эриксон Э.Г.* Идентичность и неукорененность в наше время // *Философские науки*. 1995. № 5–6.
4. *Хантингтон С.* Кто мы? вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. 635 с.
5. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 324 с.
6. *Баксанский О.Е., Лавринов Д.Г.* Этнокультурная идентичность в условиях глобализации // *Феномен глобализации в контексте диалога культур*. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 47–75.
7. *Федотова Н.Н.* Идентичность // *Энциклопедия «Глобалистика»* / под ред. И.И. Мазура, А.Н. Чумакова. М., 2003. С. 357.
8. *Жаде З.А.* Трансформация идентичности в условиях глобализации // *Человек – объект и субъект глобальных процессов: материалы междунар. науч. конф.* / под. ред. И.Ф. Кефели. СПб., 2009. С. 80–85.
9. *Малинова О.Ю.* Идентичность как категория практики и научного анализа: о различии подходов // *Права человека и проблемы идентичности в России в современном мире* / под ред. О.Ю. Малиновой, А.Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2005. С. 7–20.
10. *Мелосик З., Шкудлярек Т.* Культура, идентичность и образование: мерцание значений [Электронный ресурс]. URL: www.relega.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2908&level1=main&level2=articles (дата обращения: 15.03.2011).
11. *Agger B.* Cultural Studies as Critical Theory. London, 1992. P. 171–172.